

ГУСЬ

Гуси, как это всем известно, спасли Рим и литературу. Стилос был забыт, стальное перо ещё не родилось. На помощь пришло тонко очиненное, упругое гусиное перо. Окунув свой белый носик в чёрные чернила, несколько веков кряду скрипело оно на пользу и на вред человеческой мысли, превращая чернильные капли в слова.

Жил-был бедный поэт. Ему не везло. Стоило ему написать оду вельможе -- и не успевали строки его оды просохнуть, как вельможа попадал в опалу. Над одной песней о приходе весны он трудился так долго, с таким тщанием, что весна успела отцвести, лето прошло мимо и выпал снег. Переплёты всех альманахов захлопнулись для запоздалого шедевра.

Бедный поэт голодал. Он не просил милостыни, но ниспрашивал вдохновения у богов. И однажды оно пришло. Счастливцев схватил гусиное перо -- последнее, какое у него осталось, -- и ткнул им в чернильницу. Но движение его руки было столь стремительно, что перо -- увы -- сломалось. Вдохновение кратко, как раскат грома. Поэт бросился искать другого пера.

Как раз в это время за окном раздалось мерное "кра-кра". Поэт распахнул дверь: мимо крыльца шёл гусак со своей гусыней. Они медленно переставляли свои веерообразные пятки, направляясь к ближайшей луже. Поэт, сбегав со ступенек крыльца, схватил гуся левой рукой за шею, правая же его рука проворно выдернула длинное перо из крыла.

Поэт был немного смущён и оглядывался по сторонам -- нет ли постороннего глаза? Он бормотал:

-- Это для поэзии. Во имя святой поэзии.

Гусь жалобно загоготал -- и, чуть пальцы на его шее разжались, бросился опрометью прочь.

Поэт вернулся к бумаге и чернильнице. Но, о горе, перо было жёстко и колюче, как клюв. Оно царапало и рвало бумагу, противясь наитию, ниспосланному небом.

Поэт, горя нетерпением, бросился вдогонку за гусём. Тот, завидев своего мучителя, попробовал было убежать. На помощь коротким тычкам ног он призвал взмахи крыльев, на которых некогда его предки умели летать. Но вместо полёта получались прыжки -- и поэт, разъярённый вдохновением, нагнал-таки гуся. На этот раз, прежде чем выдернуть новое перо, он пробежал дрожащими пальцами по всему крылу глоссандо и только тогда выбрал и выдернул упругое, опушенное белой остью, не слишком мягкое и не слишком жёсткое перо. Гусь тихо, но протяжно замычал, а гусыня, бегавшая всё время вокруг, ткнула -- раз, и ещё раз -- поэта в левую щиколотку.

Но тот ничего не замечал. Прижав перо к груди, он вытирал пот со лба и слёзы восторга с глаз, повторяя:

-- О, поэзия! О, божественная поэзия! Поэ... -- и через минуту скрылся за дверью дома.

И гусь, и гусыня долго не могли успокоиться. Затем, придя в себя, оба отправились к луже. Вслед за сильными переживаниями всегда приходит аппетит.

Войдя в лужу, супруги долги макали свои жёлтые, тупые, как кочерыжки, клювы во вкусную, жирную, кишашую зёрнами и червячками жижу.

-- Вот он, этот, кра, как его, всё говорил: поэзия-поэзия. А что такое, кра, поэзия?

-- О, я это теперь хорошо знаю, -- отвечал гусь, задрав голову кверху, чтобы зёрнам было легче скользить по пищеводу, -- поэзия -- это... гм... н-да... га-га... Это когда твоё же перо делает тебе больно.

И супруги снова принялись за еду.

1937

NOTICE

Публикуется по изданию: Кржижановский С.Д. Сказки для вундеркиндов: повести, рассказы. -- М.: Советский писатель, 1991. -- Стр. 266-267.

Рассказ "Гусь" был включён автором в неопубликованный сборник "Мал мала меньше".

По свидетельству бывших учащихся студии художественного слова, руководимой А.Бовшек, "Гусь" довольно часто исполнялся ими в концертах. Кржижановский не раз пробовал дать определение лирики -- в лирическом же (не без парадоксальности) образе (ср. строки из "Записных тетрадей": "Даже рыба,